

Александр Грин

ТАИНСТВЕННАЯ
ПЛАСТИНКА

РАССКАЗЫ

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г85

Грин, А.

Г85 Таинственная пластинка / А. Грин. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 146 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-07257-6

Александр Грин (1880–1932) — последний русский романтик, поэт, автор философско-психологических произведений, пронизанных необычайным символизмом.

«Таинственная пластинка» — сборник восхитительных рассказов писателя, среди которых: «Львиный удар», «Слепой Дей Канет», «Тайна дома № 41», «Таинственная пластинка», «Чёрный алмаз» и другие. Настоящий мастер сюжетных ребусов, Грин погружает читателя в миры удивительных приключений и экзотических стран, которые надолго запомнятся каждому!

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-07257-6

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Львиный удар	5
Огонь и вода	19
Мебелированный дом	30
Ночью и днем	43
Слепой Дей Канет	59
Лабиринт	63
Черный алмаз	73
Пьер и Суринэ	81
Отшельник Виноградного Пика	92
Тайна дома № 41	99
Тяжелый воздух	129
Таинственная пластинка	139

ЛЬВИНЫЙ УДАР

I

Трайян только что вернулся с большого собрания Зурбаганской ложи всемирного теософического союза. Блестящее выступление Трайяна против Ордовы, сильнейшего оратора ложи, его могучий дар убеждения, основанного на точных данных современного материализма, его отточенная ирония и невероятная память, бросающая в связи с общим, стройным, как пламя свечи в безветрии, мировоззрением, — тысячи непоколебимых фактов, — лишили Ордову, под конец диспута, самообладания и твердости духа. Материализм, в лице Трайяна, получил, кроме шумных оваций, несколько десятков новообращенных, а Трайян, приехав домой, надел халат, сел поудобнее к железному, художественной работы камину, и красный трепет огня отразился в зрачках его веселых глаз, накрытых черными, крутыми и тонкими, как у красивых женщин, бровями.

Хотя Ордова не появлялся еще в нашем рассказе видимым и говорящим лицом, интересно все-таки отметить разницу в наружности противников, а наружность — в контрасте с их убеждениями. Знаменитый ученый-материалист Трайян обладал внешностью модного, балованного художника, в ее, так сказать, банальной транскрипции: пышный галстук, волосы черные и длинные, пышные, как и холеная борода; безукоризненной чистоты профиль, белая кожа; синий

бархатный пиджак — впечатление одухотворенной изысканности; идеалист Ордова коротко стригся, лицом был некрасив и невзрачен и одевался в скверном магазине скверного готового платья. Странное заключение можно было бы сделать отсюда! Однако рассказ наш лежит не в шутке, и сравнение упомянутых лиц с ошибочно перепутанными масками — все, что мы можем себе позволить по этому поводу.

В кабинете, кроме Трайяна, сидел приехавший с ним генерал Лей, живой, ловкий и любезный старик, настоящий боевой человек, знающий смерть и раны... Лей был поклонником сражений, драки и состязаний вообще, неизменно оставаясь, когда это не касалось патриотизма, сторонником победителя; бой петухов, тарантулов, быков, бой — диспут ученых — серьезно, увлекательно волновали Лея; он принимал жизнь только в борьбе и лакомством считал поединки.

— Мне кажется, Ордова чувствует себя плохо, — сказал Лей, — и я менее всего хотел бы быть на его месте.

— Он все-таки убежденный человек, — заметил Трайян, — и я, если хотите, заставил его только молчать. Не он побежден сегодня, а его идейный авторитет.

— Ордова обезоружен.

— Да, я обезоружил его, но не покорию, что, впрочем, мне совершенно не нужно.

— Ордова крупный противник, — сказал Лей, — так как стоит на приятной, практически, для масс, точке зрения. «Я умираю, но я же и остаюсь», — какие великолепные перспективы!

— Он слабый противник, — возразил Трайян, — его заключения произвольны, аргументация беспорядочна и, так сказать, экзотична; эрудиция, обнимающая небольшое количество старинных, более поэтических чем научных книг, достойна всякого сожаления. «Организм умирает, дух остается!» — вот все: вера, выраженная восклицанием; соответственно настроенные умы, конечно, предпочтут этот выкрик данным науки. Однако, таких меньшинство, в чем я и убедил вас сегодняшним выступлением.

— Господин Ордова просит разрешения видеть вас! — сказал, появляясь в дверях, лакей.

Собеседники переглянулись; Трайян усмехнулся, пожав плечами. Лей просиял от любопытства и нетерпения. Несколько мгновений Трайян молчал, обдумывая тон встречи, пока ему не показалось более уместным, как победителю, почтительное и серьезное отношение.

— Просите! — мягко сказал он и продолжал, подымаясь навстречу входившему Ордове: — Очень, очень мило с вашей стороны, что вы навели человека, искренне расположенного к вам, помимо всяких теорий. Садитесь, прошу вас. Ордова — генерал Лей.

Невзрачное, грустное лицо Ордовы выразило легкое замешательство.

— В этот поздний час, господин Трайян, — сказал он таким же грустным, как и его лицо, но решительным и свободным голосом, — я пришел по немаловажному делу к вам лично.

Генерал поклонился и разочарованно протянул руку Трайяну.

— Как лишний, я удаляюсь...

Но Трайян знаком остановил его.

— Не уходите, Лей, я не хотел бы секретов и, вообще, никакой таинственности.

— Извините, — сказал Ордова, — я пришел с коротким, практическим предложением, но такого рода, что намек на третье лицо был нелишним. Если генерал Лей находится в курсе вопросов, рассмотренных в сегодняшнем заседании и не состоит членом общества покровительства животным, — я без задержек перейду к делу.

— Вопрос идет о животном? — спросил Трайян, рассматривая Ордову в упор. — Однако я хотел бы избежать мистификации.

— Зачем? — искренно возразил Ордова, — когда можно обойтись без всякой мистификации!

— Я и генерал Лей слушаем вас, — коротко заявил Трайян.

Гость поклонился, и все сели; тогда Ордова заговорил:

— Для скептиков, людей предвзятого мнения, людей легкомысленных и людей искренне убежденных существует неотразимо повергающее их оружие — сила факта. Обстановка факта, внешняя и внутренняя его сторона должны быть наглядными и бесспорными. Могли ли бы вы, Трайян, быв очевидцем, даже действующим лицом факта бесспорного, опровергающего нечто весьма существенное в вашем мировоззрении, — явить мужество признанием власти факта?

Трайян подумал и, не найдя в словах Ордовы лоушки, сказал:

— Приняв бесспорность факта существеннейшим и главнейшим условием — да, мог бы, как ученый и человек.

— Хорошо, — продолжал Ордова, — то, что я изложу далее, не требует с вашей стороны возражений. Вы можете просто, в худшем случае, пропустить это мимо ушей. Внимательное изучение древних восточных авторов, подтвержденное собственными моими опытами, привело меня к убеждению в действительном существовании Духа живой Жизни, духовной основы всякого организма. Естественная смерть существа никогда не бывает достаточно быстрой для того, чтобы освобождение, или исход Духа, произвело резкое впечатление на присутствующих; какими путями совершается это, доньше нам неизвестно, во всяком случае, постепенное освобождение духовной энергии в сравнении с мгновенным исхищением ее путем идеально быстрого уничтожения тела, почти неведомого природе, — относится одно к одному так же, как взрыв пороха — к медленному его сгоранию. Под идеально быстрым уничтожением подразумеваю я не только предшествующий окончательной смерти полный паралич организма, как в случаях разрыва сердца или апоплексии, а полное сокрушение, обращение в бесформенную материю. Вам, Трайян, и вам, генерал, предлагаю я завтра в 12 часов дня быть свидетелями такой смерти, смерти сильного, здорового льва; мой выбор я остановил на этом звере ради его сравнитель-

но небольших размеров, отвечающих условиям опыта, но, главным образом, в силу огромного количества невосомой таинственной энергии или Духа, заключенного в льве, как в носителе силы.

— Насколько я понял вас, — сказал Трайян, улыбаясь безобидно, как если бы речь шла о сложной и умной шалости, — освобожденный дух льва будет доступен моим физическим чувствам?! Но как и в какой мере?

— Как — не знаю, — серьезно сказал Ордова, — но, ручаюсь, в достаточно убедительной степени. Завод Трикатура отдал в мое распоряжение восьмисотпудовый паровой молот; молот убьет льва. Я не требую у вас участия в расходах по опыту, так как это моя затея; прошу лишь, после составления письменного акта о происшедшем, присоединить свою подпись.

— Согласен, — высокомерно сказал Трайян. — Лей, что вы думаете об этой истории?

Глаза Лея блестели одушевлением и азартом.

— Я думаю... я думаю, — вскричал он, — что время до двенадцати часов полудня покажется мне тысячелетней пыткой!

— Я жду вас, — сказал Ордова, прощаясь, затем, помолчав, прибавил: — Довольно трудно было найти льва, и я, кажется, немного переплатил за своего Регента. Я ухожу. Не думайте о моих словах, как о шутке или безумстве.

Он вышел; когда дверь закрылась, Трайян сел за стол, уронил голову на руки и разразился истериче-